

На правах рукописи

ВАН ЦЗЯНЬЛИ

**ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ РУССКИХ
ПЕРЕВОДОВ ТРАКТАТА «ЛУНЬ ЮЙ»**

Специальности 10.02.01 – русский язык
и 10.02.20 – сравнительно-историческое, типологическое
и сопоставительное языкознание

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Москва – 2016

Работа выполнена на кафедре русского языка филологического факультета
ФГБОУ ВО «Московский государственный университет имени М.В.
Ломоносова»

Научный руководитель: **Сидорова Марина Юрьевна**
доктор филологических наук
профессор кафедры русского языка

Официальные
оппоненты: **Бакланова Ирина Ивановна**
доктор филологических наук, доцент кафедры
русского языка как иностранного ФГАОУ ВПО
«Национальный исследовательский ядерный
университет "МИФИ"»

Рукодельникова Мария Борисовна
кандидат филологических наук
доцент, заведующий кафедрой восточных языков
ФГБОУ ВПО «Российский государственный
гуманитарный университет».

Ведущая организация: ФГБОУ ВО «Воронежский государственный
университет», кафедра теории перевода и
межкультурной коммуникации

Защита диссертации состоится « 15 » февраля 2017 года на заседании
диссертационного совета Д501.001.19 при ФГБОУ ВО «Московский
государственный университет имени М.В. Ломоносова» по адресу: 119992,
ГСП-1, Москва, Ленинские горы, МГУ имени М.В. Ломоносова, 1-й учебный
корпус, филологический факультет.

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке ФГБОУ ВО
«Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова».

Полный текст диссертации размещен на сайте филологического факультета
ФГБОУ ВО «Московский государственный университет имени М.В.
Ломоносова»: <http://dissovet.philol.msu.ru/501.001.19/137/>

Автореферат диссертации разослан « » _____ 2017

Учный секретарь
диссертационного совета
профессор

Клобуков Евгений Васильевич

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Настоящая диссертационная работа посвящена лингвистическому исследованию русских переводов трактата «Лунь юй» («Беседы и суждения») – одного из основных произведений конфуцианства – и выполнена в русле коммуникативно-функциональной школы Г.А. Золотовой.

Проблема рецепции иноязычного / инокультурного текста в России всегда привлекала внимание ученых-гуманитариев, что обусловлено, с одной стороны, открытостью русской культуры, включая науку и литературу, к восприятию таких источников, с другой – тенденцией к неоднократному переводу текстов, которые для стороны-рецептора представляются значимыми. Важную роль в изучении этой рецепции играет лингвистика, поскольку именно она занимается исследованием конкретных языковых средств, коммуникативных тактик и стратегий, используемых переводчиками и определяющих восприятие текста русским читателем. Это исследование может быть продуктивным, если опирается не только на глубокое понимание переводимого автора, его языка и культуры, но и на знание особенностей русского языка (в целом и в конкретном периоде его развития), закономерностей построения и функционирования определенных типов текста в русской жанровой системе и тех требований, которые предъявляет к данному типу текста русский читатель.

В настоящее время русистика вносит свой вклад в изучение рецепции переводных текстов, обладающих высокой культурной значимостью, в основном в области художественной литературы. Лингвистические аспекты трансляции естественнонаучных и гуманитарных текстов, включая философские, остаются на периферии внимания исследователей.

Актуальность предлагаемого диссертационного исследования обусловлена необходимостью разработки исследовательского аппарата для лингвистического анализа и сопоставления вариантов трансляции иноязычных нехудожественных, в частности философских, текстов на русский язык и доказательства продуктивности такого анализа для раскрытия смысла текста.

Цель исследования – изучить субъектную структуру русских переводов трактата «Лунь юй» и сопоставить средства выражения основных модусных и диктумных субъектов и их признаков с точки зрения соответствия задаче обеспечения адекватной рецепции данного текста русскими читателями.

Задачи исследования:

1. охарактеризовать историю рецепции «Лунь юй» как одного из основных трактатов конфуцианства в России и историю переводов «Лунь юй», в результате которой возник комплекс разновременных русскоязычных текстов, доступных современному русскому читателю;
2. выявить сложность субъектной структуры «Лунь юй» как диалогического философского текста и обосновать значимость анализа языковых средств выражения модусных и диктумных субъектов и их признаков;
3. установить типы субъектной организации отдельных суждений «Лунь юй» и методом компьютерного анализа определить вариативность именованности основных модусных и диктумных субъектов в русских переводах этого текста;
4. проанализировать номинации субъектов «учитель/философ» и «благородный муж/совершенный муж» в отдельных переводах с точки зрения адекватности рецепции конфуцианских идей современным русским читателем;
5. изучить глагольные, адъективные и субстантивные именованности качеств

«благородного мужа» как главного диктумного субъекта «Лунь юй» в русских переводах, установить семантические соотношения между русскими лексемами, выбираемыми для перевода, и китайскими оригиналами, и объяснить объективные языковые затруднения, возникающие у переводчиков;

6. на основе лингвистического анализа предложить некоторые рекомендации для выбора русских эквивалентов обозначений субъектов и их качеств при трансляции «Лунь юй» на русский язык.

Объектом настоящего диссертационного исследования являются русские переводы одного из основных произведений конфуцианства – трактата «Лунь юй».

Предмет исследования – конкретные языковые средства и коммуникативные тактики, используемые переводчиками для передачи субъектной структуры, модусных и диктумных смыслов данного философского текста, написанного преимущественно в диалогической форме.

Материалом исследования служат тексты русских переводов трактата «Лунь юй», в основном анализируются переводы В.П. Васильева (один из первых – 1884 г.) и Л.С. Переломова (самый новый – 1998).

Методологической базой исследования послужила теория коммуникативно-функциональной грамматики Г.А. Золотовой, в рамках которой развита предложенная Ш. Балли идея выделения диктумных и модусных смыслов в высказывании и разработана субъектная перспектива текста как инструмент лингвистического анализа¹.

¹ Золотова Г.А., Ониненко Н.К., Сидорова М.Ю. Коммуникативная грамматика русского языка. – М.: Изд-во МГУ, 1998. – 528 с.

Новизна исследования обусловлена тем, что при наличии большого количества разновременных вариантов перевода «Лунь юй» на русский язык и значимости этих текстов как для рецепции китайской философии в России, так и для понимания тех возможностей языкового оформления, которые в принципе имеет диалогический философский текст на русском языке, в русской лингвистике отсутствуют сопоставительные исследования этих переводов. Некоторые соображения по передаче отдельных понятий и трансляции отдельных суждений высказываются в работах философов, но эти соображения не носят систематического характера и не связываются с возможностями русского языка как языка-транслятора, особенностями данного типа текстов в русской жанровой системе и закономерностями рецепции тех или иных языковых средств современным русским читателем.

Теоретическая значимость представляемой работы состоит, таким образом, в том, что в ней впервые на основе теории коммуникативно-функциональной грамматики, с применением понятий *модус*, *диктум*, *субъектная перспектива* и пр., и использования данных толковых словарей русского языка, предложен анализ переводов диалогического философского текста, раскрывающий его субъектную структуру и взаимодействие модусного и диктумного планов в нем.

Практическая значимость исследования состоит в том, что его результаты могут быть применены для обучения русских и иностранных студентов лингвистическому анализу текста, теории и практике перевода. Также результаты исследования могут найти междисциплинарное применение в преподавании истории зарубежной философии.

Положения, выносимые на защиту:

1. Лингвистический сопоставительный анализ переводов философского текста должен основываться не только на особенностях философской системы, излагаемой в произведении, но и на жанровой характеристике текста и учете хронологической соотнесенности текста, времени выполнения сопоставляемых переводов и времени рецепции текста современным читателем. Соответственно анализ переводов конфуцианского трактата «Лунь юй» на русский язык основывается на учете диалогичности как главной характеристики этого текста: в результате особое внимание уделяется субъектному плану произведения – способам обозначения диктумных и модусных субъектов и их признаков. Второй жанровой характеристикой текста, влияющей на особенности его трансляции в разных переводах, является образность, использование языковых средств, характерных для художественного дискурса.

2. Антропоцентрический подход к тексту, функционирующему в коммуникации между адресатом и адресантом (читателем), принятый в современных филологических дисциплинах, требует проекции лексических единиц, используемых переводчиками, на лексическую систему русского языка, содержащуюся (при всех индивидуальных различиях) в сознании его современных носителей и отраженную в толковых словарях, включая культурно обусловленные коннотативные смыслы. Проведенный в диссертации анализ позволил выявить объективные сложности, возникающие при переводе «Лунь юй», которые основаны на несовпадении понятийного и коннотативного значения русских и китайских слов и выражений (*учитель/философ, маленький человек* и пр.) и сформулировать некоторые рекомендации по переводу.

3. В исследовании предложена классификация суждений на основе соотношения в них модусного и диктумного субъекта и языковых способов их выражения, которая может быть распространена на анализ других диалогических философских произведений.

4. Установлено, что проблема перевода на русский язык обозначений основного диктумного субъекта «Лунь юй» - *благородного мужа*, его противоположности - *маленького человека*, и имен важнейших качеств благородного мужа обусловлена, с одной стороны, особенностями конфуцианского дискурса (например, отсутствие дефиниции главного качества благородного мужа – *Жэнь*, разные объяснения этого качества, которые дает Конфуций разным ученикам), с другой – межъязыковыми различиями, в частности несовпадением оценочных коннотаций, объема значения и других характеристик у русских и китайских лексем.

5. В диссертации выявлено два типа лексических трудностей, с которыми встречаются переводчики, при переводе трактата «Лунь юй» на русский язык: первый – связан с необходимостью адекватной передачи основных понятий философской системы Конфуция, второй – с необходимостью осуществить перевод в рамках стилистических представлений о философском тексте, имеющихся в русской лингвокультуре, не нарушая ни в том, ни в другом случае принцип понятности текста для читателей.

Апробация работы.

Результаты исследования были представлены в докладах на конференциях: Международная научная конференция «Полифония большого города: город как перекресток миров, текстовое многоголосье, семиотика городского ландшафта»

(Москва, 2014); Международная научная междисциплинарная конференция «Функциональные аспекты межкультурной коммуникации и проблемы перевода» (Москва, 2014); Международная научная конференция студентов, аспирантов и молодых ученых «Ломоносов» (Москва, 2015); Международная конференция «И.А. Бодуэн де Куртенэ и мировая лингвистика» (Казань, 2015), а также в 7 публикациях, включая 3 статьи в журналах из списка ВАК.

Структура работы.

Работа состоит из введения, двух глав, заключения, списка литературы и двух приложений.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **введении** обосновывается актуальность исследования, указываются объект, предмет, материал, теоретическая база и методы исследования, формулируются цели и задачи, перечисляются выносимые на защиту положения, раскрываются научная новизна, теоретическая и практическая значимость диссертации и приводятся сведения об апробации работы.

Первая глава «Теоретические основы лингвистического анализа переводов философского трактата «Лунь юй» на русский язык» состоит из 8 разделов. Изложенные в данной главе теоретические основы лингвистического анализа русских переводов «Лунь юй» включают:

1) положения, связывающие жанровую характеристику текста с его лингвистической спецификой, как в целом, так и на примере философских текстов;

2) сведения из теории коммуникативно-функциональной грамматики, касающиеся понятий модусного и диктумного субъекта и разработанного Н.К.

Онипенко понятия «субъектная перспектива» как одного из инструментов лингвистического анализа текста;

3) описание проблемы перевода философского текста на русский язык, с акцентом на проблеме перевода текстов восточной философии, обнаруживающих синкретизм научно-философского и художественного дискурсов;

4) краткую характеристику места трактата «Лунь юй» в конфуцианском учении, истории его рецепции в России и разновременных переводов трактата, исследуемых и упоминаемых в диссертации.

В параграфе 1.1 «Особенности диалогического философского текста» характеризуется специфика «Лунь юй» как диалогического философского текста, определяющая вектор его лингвистического анализа, и рассматриваются разные понимания диалогичности в философии: как «совокупного обозначения философских учений, исходным пунктом которых является понятие диалога»², или как имманентной черты философского дискурса как такового. В данном параграфе подчеркивается, что в диалогической философии выстраивается некоторая субъектная «ось» текста, аналогичная, как мы увидим дальше, той субъектной оси, или перспективе, высказывания, которая предлагается для анализа текста коммуникативно-функциональной грамматикой Г.А. Золотовой.

Параграф 1.2 «Анализ философского языка и философского дискурса в работах Н.М. Азаровой» освещает проблематику самых комплексных и максимально ориентированных на лингвистические аспекты работ о философском дискурсе, имеющих в современной филологии, - монографии и

² Хеффе О., Малахов В.С., Филатов В.П. Современная западная философия. Энциклопедический словарь. М.: Культурная революция. 2009.

диссертации Н.М. Азаровой, посвященных типологическому анализу философского текста и философского языка. В этих работах, помимо выделения типологических черт философского текста, позволяющих отграничить его от художественного и научного текста, и определения соответствующих им конкретных языковых признаков, устанавливается взаимозависимость философского языка и философской мысли в исторической перспективе.

В параграфе 1.3 «Понятия «диктумного» и «модусного субъекта», «субъектной перспективы» и возможность их использования для лингвистического анализа философского текста» трактуются понятия «диктумный субъект», «модусный субъект» и «субъектная перспектива» на основе «Коммуникативной грамматики русского языка», работ предшественников и последующего развития этих категорий в применении к анализу переводных текстов в работах А.В. Уржи.

В параграфе 1.4 «Обоснование важности использования толковых словарей языка перевода для изучения рецепции культурно значимого иноязычного текста» доказываются важность и продуктивность использования толковых и двуязычных словарей для преодоления культурного, языкового и временного разрыва между автором и реципиентами текста. Обосновывается необходимость для переводчика философского текста пользоваться толковыми словарями и словарями энциклопедического типа, содержащими по сравнению с переводным словарем более подробную и более точную, учитывающую контекстные и стилистические факторы систему значений слова, что обуславливается не только объемом словаря, но и иными,

чем в переводном словаре, способами раскрытия значений.

Параграф 1.5 «Место трактата «Лунь юй» в конфуцианской философии» раскрывает роль «Лунь юй» как одного из самых известных произведений конфуцианства. Этот трактат является одним из самых переводимых конфуцианских текстов во всем мире и в России. «Лунь юй» представляет собой моральную модель общества. В «Лунь юй» в форме диалогов Учителя (Конфуция) с его учениками обсуждаются проблемы из разных областей, включая политику и государственное управление, этику и мораль, образование. Трактат структурно состоит из 20 глав и 501 суждения.

В этом параграфе 1.6 «История восприятия Конфуция и его учения в России» кратко рассматривается история восприятия конфуцианства в России, которая началась с работ востоковеда Н.Я. Бичурина в сороковых годах XIX века. Демонстрируется, что научное изучение конфуцианства в России с первых шагов сопровождалось интересом к нему со стороны неспециалистов, что определяет особый статус этого философского учения и особый состав его реципиентов в России. Описательный характер работ Бичурина способствовал их популярности среди широкого круга непрофессиональных читателей, далее конфуцианство было предметом дискуссий между западниками и славянофилами, интересовало Л.Н. Толстого. Интерес к конфуцианству в России и на Западе в XX веке пережил несколько периодов, и на современном этапе поддерживается со стороны Китая, предлагающего конфуцианство как учение, способное привести к мировой гармонии.

Параграф 1.7 «Общая характеристика имеющихся переводов «Лунь юй» на русский язык» содержит краткие сведения о переводах «Лунь юй» на

русский язык и демонстрацию существующих между ними семантических, грамматических и стилистических различий, которые возникают как в результате различного понимания переводчиками этих суждений, так иногда из-за недостаточного учета ими смысловых оттенков, выражаемых русскими словами и конструкциями.

«Вопрос о возможности адекватного перевода философского текста» обсуждается в **параграфе 1.8** на примере переводов философских текстов Аристотеля, текстов средневековой персидской и арабской философии. Анализируя трудности, отмечаемые исследователями и переводчиками при трансляции отдаленных от нас по времени инокультурных философских текстов на русский язык, мы из двух предлагаемых подходов – пессимистического (адекватный перевод невозможен и требуется обращение к оригиналу) и оптимистического – присоединяемся ко второму, обоснованному А.А. Россиусом и В.В. Мироновым: «В философском переводе как особом произведении вполне допустима ситуация, когда авторский текст после интерпретационно-адаптационной работы над ним переводчика может значительно отличаться от своего изначального варианта с позиции передачи смысла и значения при сохранении внешней схожести с ним»³. И это не должно рассматриваться как некоторое «преступление» переводчика против философии, но как нормальный процесс реализации философского текста в коммуникации. Именно безграничностью интерпретаций философского текста обусловлена безграничность его существования во времени и пространстве, что подтверждают тексты Конфуция.

³ *Миронов В.В.* Философия как смысловая интерпретация // Вестник Московского университета. Серия 22 ТЕОРИЯ ПЕРЕВОДА. № 4, 2009. С. 46 – 55.

В связи со всем сказанным те предпочтения и рекомендации к переводу отдельных лексических единиц, которые высказываются в диссертации относительно текста «Лунь юй», следует рассматривать относительно: как возможные интерпретации, базирующиеся на приводимых нами лингвистических аргументах и нашем понимании конфуцианской философии.

Вторая глава «Имена субъектов и их признаков в русских переводах трактата «Лунь юй»» состоит из 7 разделов.

В параграфе 2.1 «Субъектная структура текста конфуцианского трактата «Лунь юй»» на примере переводов В.П. Васильева и Л.С. Переломова демонстрируется типология субъектной организации суждений «Лунь юй», которая включает следующие типы:

1. Ассертивное суждение Конфуция с неназванным адресатом и обобщенно-личным диктумным субъектом;

2. Суждение Конфуция в вопросительной форме с неназванным адресатом и обобщенно-личным субъектом;

3. Диалог между Конфуцием и учеником, начинающийся с вопроса или утверждения ученика, диктумные субъекты – обобщенно-личный и/или вопрошающий ученик;

4. Конфуций – диктумный субъект (в суждении сообщается о его единичных, конкретных поступках или способе его поведения, его узуальных признаках);

5. Ученик Конфуция высказывает суждение, диктумный субъект которого – благородный муж;

6. Суждение Конфуция является реакцией на ситуацию, диктумным

субъектом которой является его ученик;

7. Конфуция вопрошает некий субъект (князь, правитель) по поводу его учеников или своих поступков, Конфуций отвечает, часто поднимаясь в суждении от конкретного диктумного субъекта к обобщенному.

В параграфе 2.2 «Имена личных субъектов в двух переводах «Лунь юй» по данным компьютерного анализа» приводятся результаты компьютерного анализа переводов В.П. Васильева и Л.С. Переломова, сделанного нами с использованием ресурсов Лаборатории компьютерной лексикологии и лексикографии филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова. Частотный анализ показал резкие расхождения в выборе имен важнейших личных субъектов в переводах Васильева и Переломова.

	имя субъекта	Васильев	Переломов
1	философ	260	0
	учитель	16	553
	наставник	0	6
2	князь	40	1
	государь	62	26
	император	7	0
	правитель	7	46
	владелец	9	0
3	сановник	0	26
	чиновник	37	14
	вельможа	55	0
	начальник	8	3

Параграф 2.3 «Главный модусный субъект «Лунь юй»: учитель или

философ?» посвящен рассмотрению номинации главного модусного субъекта «Лунь юй» — *философ / учитель*. На основе анализа толкований слов учитель, философ, наставник в русских толковых словарях и образа учителя в традиционной китайской культуре мы приходим к выводу, что использование слова *учитель* при переводе «Лунь юй» на русский язык может рассматриваться как вариант более соответствующий китайской культуре, традициям и современному китайскому языку

В параграфе 2.4 «Главный диктумный субъект «Лунь юй»: благородный муж или совершенный муж?» рассматриваются обозначения главного диктумного субъекта в русских переводах «Лунь юй» с точки зрения передачи содержания выражаемого ими понятия (*благородный муж*) для современного российского читателя. В связи с этим обсуждаются вопросы о различном понимании благородства и добродетели у разных наций и в разные исторические эпохи. Делается вывод о предпочтительности варианта *благородный муж*.

Также анализируется способ перевода обозначения «оппозиции» благородному мужу в «Лунь юй». В системе диктумных субъектов «Лунь юй» *благородный муж* в переводе Переломова противопоставлен *маленькому человеку*, в переводе Васильева – *низкому/подлому/малому человеку*. В отличие от русской лингвокультуры, где обозначение *маленький человек* традиционно имеет социальный статус, а не нравственный, ни в коей мере не умаляя душевных качеств референта, в конфуцианском понимании *маленький человек* – это как раз тот, кто лишен нравственных качеств *благородного мужа*, не обладает *Жэнь* и проявляет в своем поведении низменные свойства. Однако

оценочные прилагательный *низкий* и *подлый* обладают слишком сильной оценочностью и тоже не являются идеальными вариантами для перевода.

В параграфе 2.5 «Номинации признаков (действий, качеств и оценок) «благородного человека» в русских переводах «Лунь юй»» рассматривается выбор лексики для номинации признаков «благородного человека» в разных переводах «Лунь юй». За основу благородных качеств человека Конфуций взял 仁 (Жэнь = ‘гуманность, человеколюбие, человечность...’ – как основную ценность системы) Вопрос о выборе слова для перевода на русский язык и проблема интерпретации *Жэнь* закономерны. Слово *Жэнь* часто появляется в «Лунь юе», но каждый раз Конфуций дает разное толкование, отражая тот факт, что *Жэнь* содержит совокупность благородных качеств. *Жэнь* является ключевым понятием системы ценностей конфуцианства и важной нормой оценки благородного мужа. в раскрытии содержания понятия *Жэнь* активно участвуют не только абстрактные имена качеств, но и глаголы конкретных действий, что создает дополнительную проблему для переводчика, так как эти качества и действия должны быть соотнесены в сознании читателей – носителей русского языка.

В параграфе 2.6 «Выбор лексики для номинации действий и оценок «благородного человека» в русских переводах первого суждения «Лунь юй»» обсуждаются варианты перевода первого суждения «Лунь юй». При этом подчеркивается, что как переводчик при трансляции конфуцианского текста на русский язык, так и специалист-востоковед при обсуждении переводов должны, рассматривая в качестве потенциального адресата носителя русской лингвокультуры, опираться не только на знание языка и культуры источника,

философской системы Конфуция и на известные интерпретации этой системы, но и на знания о системе и функционировании русского языка, а также о русской языковой картине мира. Опираясь на словарные и корпусные данные, помогающие установить нюансы значения и употребления русских слов, «конкурирующих» за место в переводе (*постоянно/время от времени/вовремя; радость/удовольствие/приятно, повторять/практиковаться/применять на практике*), мы обосновываем предпочтительные варианты перевода.

В параграфе 2.7 «О двух типах лексических трудностей при переводе трактата «Лунь юй» на русский язык» выделяются и иллюстрируются на примере лингвистического анализа переводов суждения 1:4 два типа лексических расхождений, возникающих у переводчиков. Конкретным предметом рассмотрения служит выбор лексем *доблесть / добродетель / Дэ; созвездия / звезды, роиться / окружать с почтением*. Первый тип лексических трудностей (выбор русского эквивалента для обозначения одного из важнейших в конфуцианской философии качеств «благородного мужа») связан с необходимостью адекватной передачи основных понятий философской системы Конфуция, второй – с необходимостью осуществить перевод в рамках стилистических представлений о философском тексте, имеющих в русской лингвокультуре, не нарушая ни в том, ни в другом случае принцип понятности текста для читателей. Рассмотрение стилистической составляющей перевода приводит нас к заключению, что общим стремлением современных русских переводчиков «Лунь юй» является архаизация и стилистическое «повышение» языка, что соответствует презумпции восприятия философии Конфуция как древней и «экзотичной». В результате некоторые суждения в современных

переводах имеют более высокую, книжную стилистическую окраску и звучат более архаично, чем те же суждения в переводах Васильева и Попова, выполненных более 100 лет назад.

В заключении изложены результаты проведенного исследования, сформулированы выводы и намечены перспективы дальнейших исследований в данной области.

1) При переводе «Лунь юй» переводчики решают задачи, обусловленные жанровой принадлежностью этого текста. Каждая из жанровых характеристик выдвигает свои требования.

Поскольку это текст **философский**, то в нем имеются философские термины, которые должны переводиться единообразно. Однако выбор русского эквивалента для этих терминов осложняется рядом факторов, часть которых относится к специфике конфуцианского дискурса, часть – к межъязыковым расхождениям между русским и китайским языком и особенностям этих языков. Так, передача термина *Жэнь* осложняется отсутствием дефиниции и разным раскрытием содержания этого понятия в ответах Конфуция разным вопрошающим, а выбор номинации для обозначения «оппозиции» благородному мужу в конфуцианской системе ценностей затруднен теми коннотациями, которые связываются в русской лингвокультуре с словосочетанием «маленький человек».

Поскольку «Лунь юй» - это **диалогический** текст, особую роль в нем приобретает субъектная структура. Разные переводчики предлагали варианты обозначения главного модусного субъекта трактата – *учитель/философ*. Лингвистический анализ этой проблемы проводился на основе словарей

русского языка и с опорой на специфику китайского концепта «учительства». Сочетание концептуального и традиционного лексического анализа позволило установить, что слово «учитель» со всех точек зрения представляется более предпочтительным для передачи главных идей «Лунь юй» на русском языке.

2) На примере русских переводов трактата «Лунь юй» нами была продемонстрирована необходимость использования русских толковых словарей и Национального корпуса русского языка для обоснованного выбора терминов и общеупотребительных слов при трансляции иноязычных философских трудов на русский язык и обсуждении вариантов перевода. Только опираясь на словарные и корпусные данные, подкрепленные исследованиями по семантике и лексикологии, а также – в идеальном случае – лингвистическими экспериментами, можно прогнозировать восприятие читателем, особенно «наивным», тех или иных спорных мест в философском тексте, тем более настолько инокультурном и отделенном от нас во времени, каким являются классические произведения конфуцианства.

3) В диссертации разновременные переводы «Лунь юй» были сопоставлены с точки зрения того, насколько успешно они выполняют функцию передачи специфики конфуцианского мировоззрения, прежде всего с точки зрения репрезентации главного диктумного субъекта – благородного мужа – и его качеств. Предпочтение отдавалось тем вариантам перевода, которые, отвечая сути конфуцианского учения, служат облегчению понимания текста «Лунь юй» современным российским читателем, встраиванию трактата в его концептуальную систему. В большинстве случаев таким вариантом оказывается перевод Л.С. Переломова, наиболее близкий к нам по времени и

выполненный на современных научных основаниях.

4) Из всех лексических трудностей, с которыми встречаются переводчики трактата «Лунь юй» на русский язык, внимание самих переводчиков, комментаторов и исследователей трактата привлекают в основном проблемы передачи терминов, обозначающих ключевые понятия конфуцианской философии, как например *Жэнь* – добродетель. Гораздо меньше внимания обращается на выбор русского соответствия для китайских слов, не входящих в эту систему ключевых понятий. Однако, как показало наше исследование, различия в выборе русского слова могут привести к значимым различиям в понимании того или иного суждения, причем для читателя, являющегося носителем русского языка, эти различия могут быть не осознаваемыми. Так, различие между *радостью* и *удовольствием* носителям русского языка известно скорее интуитивно, чем на рациональном уровне, тем не менее оно существует, и соответственно первое суждение «Лунь юй» понимается по-разному в зависимости от того, через какой перевод с ним знакомится читатель. Кроме того, существенную роль при выборе нетерминологической лексики играет ее стилистическая окрашенность. С одной стороны, текст не должен выглядеть чересчур архаично и книжно для современного читателя, поскольку он, по замыслу автора (авторов) представляет собой живые беседы Конфуция с учениками и записанные последними суждения учителя, высказанные в подобных беседах. С другой – значимость, философичность текста должна поддерживаться и стилистически, суждения Конфуция должны звучать весомо, афористично. Каждый переводчик стремился достигнуть баланса между указанными стилистическими характеристиками с точки зрения

представлений своей эпохи, а современный читатель воспринимает их в рамках современных стилистических представлений.

5) Лингвистическое сопоставление переводов «Лунь юй», проведенное в диссертации, демонстрирует, что из двух точек зрения на возможность адекватного перевода философского текста, освещавшихся в главе I, более вероятна «оптимистичная» точка зрения, высказанная А.А. Россиусом и В.В. Мироновым, которые связывают возможность адекватного перевода философского текста с ответственностью переводчика, его творческими усилиями и глубоким пониманием всей философской системы, которую отражает переводимый текст.

Основные результаты исследования отражены в следующих публикациях автора:

1. Ван Цзяньли, М. Ю. Сидорова. Русские переводы первого суждения «Лунь юй» Конфуция: постоянно упражняться или время от времени повторять? // Вестник Удмуртского университета / История и филология. Ижевск. 2014. Вып.4. – С. 148-155.

2. Ван Цзяньли. Субъектная организация суждений трактата «Лунь юй» Конфуция (на материале переводов В.П. Васильева и Л.С. Переломова) // Научное мнение. Философские и филологические науки, искусствоведение: научный журнал / Санкт-Петербургский университетский консорциум. СПб. 2015. Вып.11. – С.131-134.

3. Ван Цзяньли. «Благородный муж» в русских переводах трактата «Лунь юй»: содержание понятия с точки зрения современного российского

читателя // Научное обозрение: гуманитарные исследования. Саратов. 2016. Вып.4. – С. 113-119.

4. *Ван Цзяньли.* Переводы первого суждения трактата «Лунь юй» Конфуция: радостно или приятно, удовольствие или удовлетворение? // Материалы Международной научной междисциплинарной конференции «Функциональные аспекты межкультурной коммуникации и проблемы перевода». Москва 2014. – С131-139

5. *Ван Цзяньли.* Актуальность учения Конфуция для жителей современного мегаполиса: проблема большого города // Материалы Международной научной конференции «Полифония большого города: город как перекресток миров, текстовое многоголосье, семиотика городского ландшафта» Москва. 2015. – С 12-16.

6. *Ван Цзяньли.* Субъектная структура суждений трактата «Лунь юй» (в русском переводе) // Материалы Международной конференции «И.А. Бодуэн де Куртенэ и мировая лингвистика» Казань. 2015. – С 66-67

7. *Ван Цзяньли.* Грамматические различия в пяти переводах первого суждения «Лунь юй» // Материалы Международного научного форума «Ломоносов-2015» – М.: МГУ им. М.В. Ломоносова – 2015. [Электронный ресурс: ISBN 978-5-317-04946-1]